
София
Дверь не туда
Даяна Исаченко

Даяна Исаченко

София. Дверь не туда

https://litres.ru/74731299
SelfPub; 2026

Аннотация

В Лиарене никого не удивишь летающей ложкой или шкафом с дурным характером. Но даже здесь, открывая кладовую, рассчитываешь увидеть кладовую.

Восьмилетняя София больше не может на это рассчитывать. В её доме появилась загадка, для которой у взрослых пока нет объяснения. А у самой Софии — тихий звон, который слышит только она.

Как разгадать тайну собственного дома, если неизвестно даже, где теперь заканчиваются его стены?

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 17
Глава 3 33

Даяна Исаченко
София. Дверь не туда

Глава 1

Глава 1
КЛАДОВАЯ

По утрам дом Софии просыпался не сразу. Сначала на кухне начинала звякать посуда, потом наверху скрипела половица, в ванной шумела вода, а через несколько минут по лестнице разносился мамин голос: Юлия искала то телефон, то ножницы, то блокнот, который только что держала в руках. Сам дом в это время ещё словно дремал. Свет медленно добирался через окна до коридора, на деревянном полу качались тени садовых веток, а старый шкаф в прихожей терпеливо ждал, пока кто-нибудь забудет закрыть его дверцу. Шкаф этого не любил и через некоторое время захлопывал её сам — иногда тихо, иногда так громко, что Серёжа радостно кричал «бах!» и тут же пытался открыть снова.

София к подобным вещам привыкла. В Лиарене вообще не стоило удивляться слишком быстро. Иногда происходило что-то действительно необычное, а иногда оказывалось, что дверь заела, папино устройство разрядилось или старый мост просто сегодня не хотел пропускать людей с первого раза.

Папа говорил, что у всего сначала надо поискать обычную причину. Мама с ним обычно соглашалась и после этого отправлялась искать её с флаконом, пучком трав или ложкой, которую почему-то взяла вместо ножниц.

Этим утром родители спорили об апельсине. На кухонном столе перед Юлией стояли маленькие стеклянные флаконы, бумажные полоски, раскрытая тетрадь и несколько баночек с сушёными растениями. В воздухе смешались запахи цитрусов, дерева и чего-то тёплого, немного сладкого. Мама сосредоточенно нюхала бумажную полоску и хмурилась. Евгений сидел у окна над крошечной электронной платой, которую принёс из мастерской, собираясь посмотреть на неё «буквально минуту» перед завтраком. Минута давно прошла, но пинцет всё ещё оставался у него в руке, а перед одним глазом поблёскивала увеличительная линза.

— Здесь всё-таки не хватает горечи, — объявила Юлия и недовольно покосилась на бумажную полоску, будто именно она была виновата в неудачном запахе.

Евгений как раз устанавливал на место деталь размером почти с хлебную крошку и ответил только после того, как осторожно отпустил её пинцетом.

— Ты это уже третьему апельсину говоришь.

— Потому что первые два меня не поняли, — невозмутимо ответила Юлия, потянувшись к флаконам.

Евгений кивнул с таким видом, словно услышал вполне серьёзное объяснение.

— Тяжёлая у тебя работа.

Юлия фыркнула, но улыбку не спрятала. София, сидевшая рядом, продолжила намазывать на хлеб густое вишнёвое варенье. Она почти распределила его ровно до самых краёв, когда хлеб вдруг дёрнулся у неё в руке.

Напротив сидел Серёжа. После сна его светло-русые волосы торчали в разные стороны, лицо было совершенно серьёзным, а правая ладонь медленно тянулась к завтраку Софии. Хлеб снова пополз в его сторону.

— Даже не надейся, — предупредила София, крепче прижав хлеб к тарелке. — У тебя каша.

Серёжа перевёл взгляд на свою тарелку, потом обратно на хлеб. Судя по выражению лица, такое распределение еды казалось ему вопиющей несправедливостью, которую взрослые почему-то предпочитали не замечать. Ложка в его тарелке звякнула, поднялась над кашей и зависла в воздухе.

— Серёженька, хлеб Софии оставь Софии, пожалуйста. И ложку верни в тарелку, — сказала Юлия тем спокойным голосом, которым обычно разговаривала с сыном в особенно подозрительные моменты.

Ложка качнулась и шлёпнулась обратно в кашу. Капля попала Серёже на нос. Он скосил на неё глаза и принялся старательно ловить языком.

Евгений посмотрел на сына поверх платы.

— С ложкой всё-таки проще.

— Не подсказывай ему, — тут же сказала София.

— Справедливо. Больше никаких советов, — согласился папа и снова взялся за пинцет.

На подоконнике тем временем открыла янтарно-золотые глаза Искорка — небольшая дымчато-графитовая кошка со светлым пятнышком на груди. Она посмотрела на Серёжу, потом на хлеб Софии и снова на Серёжу. Тот немного подумал и вдруг очень заинтересовался собственной кашей. Искорка зевнула, уложила голову на лапы и закрыла глаза с таким видом, словно вообще не принимала участия в происходящем.

Юлия открыла ещё одну баночку, понюхала содержимое и потянулась к следующей. При этом она задела локтем чашку, и София успела подхватить её у самого края стола.

— Спасибо. Спасла и меня, и кухню, — сказала мама, забирая чашку. Потом взглянула на дочь тем особенным взглядом, после которого обычно следовала какая-нибудь просьба. — Спасёшь ещё раз? В кладовой должна быть большая банка с сушёной апельсиновой цедрой. С медной крышкой.

— А где именно она стоит? — спросила София.

Юлия задумалась.

— В кладовой.

София молча посмотрела на неё.

— Это я поняла.

— Она большая. Ты её сразу увидишь.

Евгений опустил голову к плате, но София заметила его улыбку.

— Даже не начинай, — предупредила Юлия, не оборачиваясь.

— Я вообще молчу, — невинно отозвался он.

София спрыгнула со стула, но тут же остановилась: длинная тёмно-коричневая прядь зацепилась за спинку. Пришлось вернуться на полшага и осторожно освободить волосы. Мама проводила её взглядом, и София сразу поняла, о чём та думает.

— Я расчешусь.

Юлия подняла брови.

— Я ничего не сказала.

— Но собиралась.

Мама улыбнулась и спорить не стала. Волосы у Софии были прямыми, тяжёлыми и спускались до середины бёдер, поэтому постоянно находили неприятности: цеплялись за мебель, попадали под локоть, застревали в дверях, а однажды один конец оказался в Серёжиной каше. Мама до сих пор иногда вспоминала этот случай, когда заводила разговор о стрижке. София считала, что одна каша за восемь лет ничего не доказывает.

До кладовой было недалеко. София вышла из кухни в холл и направилась к двери рядом с папиной мастерской. Голоса родителей всё ещё были слышны: мама уже снова спрашивала что-то про запах, а Серёжа время от времени вставлял своё решительное «да!», совершенно не интересуясь тем, о чём разговаривали взрослые.

Дверь кладовой была самая обычная: тёмное дерево, металлическая ручка и маленькая царапина сбоку. Царапину София сделала несколько лет назад, когда пыталась открыть дверь игрушечной лопаткой. Лопатка тогда сломалась, а дверь почти не пострадала.

За ней хранилось всё, что в доме было нужно постоянно, иногда и, возможно, никогда: банки с травами, крупы, коробки, корзины, свечи, запасные тряпки, крышки без банок и банки без подходящих крышек. На одной корзине мама когда-то крупно написала «ОЧЕНЬ НУЖНОЕ». София однажды из любопытства заглянула внутрь и нашла там моток верёвки, старую открытку, две стеклянные пробки и деревянного зайца без одного уха.

Она уже взялась за ручку, когда услышала тихий звон.

София замерла, не успев нажать на неё. Звук был тонким, почти прозрачным, словно где-то совсем рядом едва коснулись края стеклянного бокала. Она оглянулась, решив, что на кухне что-нибудь звякнуло, но звон уже исчез. Из кухни доносились голоса родителей, за окном шелестели ветки, Серёжа что-то громко потребовал и тут же сам себе ответил. Ничего подозрительного.

София прислушалась. Такого звука она раньше не слышала и не могла понять, откуда он взялся. Может быть, упала какая-нибудь маленькая металлическая вещь. Или в мастерской что-то сработало само. Папины устройства иногда подавали сигналы самым неожиданным образом. Правда, этот

звон показался слишком близким, будто прозвучал прямо возле неё.

Она ещё раз огляделась. Всё было спокойно, звук не повторялся, и искать неизвестно что по всему дому из-за одного короткого «дзинь» показалось Софии довольно глупой затеей.

Она нажала на ручку.

Кладовая была на месте. На полках стояли банки и коробки, возле стены лежал мешок с крупой, сверху виднелась корзина с «очень нужным», а большая банка с медной крышкой нашлась почти сразу. София сняла её с полки и машинально оглядела пол — вдруг всё-таки обнаружится что-нибудь маленькое и металлическое. Ничего.

Через минуту она вернулась на кухню и поставила банку перед мамой.

— Нашла.

— Спасибо, — отозвалась Юлия и тут же отвинтила крышку.

Она достала несколько кусочков цедры, растёрла их между пальцами, поднесла к носу и задумалась.

— Нет. Всё-таки не сюда.

София посмотрела на принесённую банку.

— Я взяла не ту?

— Ту. Банка правильная, — поспешила объяснить Юлия. — Просто цедра здесь слишком сладкая. Мне сейчас нужно что-нибудь суше и острее, иначе запах уйдёт совсем не туда.

Объяснение было понятным, хотя Софии всё равно казалось немного несправедливым, что она честно сходила за нужной банкой, а нужной та быть уже перестала.

Юлия побарабанила пальцами по столу.

— Тогда можжевельник. Принесёшь? Он должен стоять там же.

София прищурилась.

— На банке написано «можжевельник»?

— Конечно.

София уже поднялась со стула, когда мама добавила:

— Наверное.

Она обернулась.

— Мам.

— Написано, — Юлия виновато улыбнулась. — Почти точно.

Во второй раз София отправилась к кладовой без особого энтузиазма. За спиной родители опять заговорили о запахе.

— А сколько именно капель помещается в твоё «совсем чуть-чуть»? — спросил Евгений.

— Столько, сколько нужно.

— Очень точная система измерений.

— У тебя просто нет творческой смелости, Женя, — с достоинством ответила Юлия.

Серёжа радостно засмеялся. Над столом что-то зашелестело, и родители одновременно произнесли его имя тем особенным тоном, который означал, что младший брат опять

решил обойтись без рук.

Искорка спрыгнула с подоконника и выскользнула вслед за Софией. У двери кладовой кошка вдруг остановилась так резко, что София едва на неё не наступила. Искорка вытянула шею, уставилась на щель у пола, осторожно приблизилась и принюхалась. Потом отступила.

В ту же секунду раздался тот самый звон.

София вздрогнула. Теперь он прозвучал отчётливее, и ошибиться было трудно: звук исходил откуда-то совсем близко. Искорка продолжала настороженно следить за дверью.

— Ты тоже что-то услышала? — тихо спросила София.

Кошка не ответила. София присела рядом и заглянула под дверь. Щель как щель. Деревянный пол по эту сторону, темнота кладовой по ту. Ничего такого, что могло бы объяснить поведение Искорки.

София выпрямилась и осторожно коснулась дверной ручки.

Пальцы сразу отдёрнулись.

Металл был холодным. Не прохладным, каким иногда бывает металл в доме, а почти ледяным, будто ручку только что принесли с зимней улицы. София прикоснулась к ней снова, теперь уже медленнее. Нет, не показалось.

Из кухни по-прежнему доносились голоса родителей. Можно было позвать папу. Стоило Софии окликнуть его, и он вышел бы из кухни, а если уже успел вернуться в мастер-

скую, ему вообще понадобилось бы сделать всего пару шагов.

Но что она собиралась показать? Звон, который мог больше не повториться? Холодную ручку? Искорку, которая почему-то не хотела подходить к двери?

Папа наверняка сначала потрогал бы металл, потом начал искать обычную причину. Именно этому он её и учил.

София положила ладонь на ручку.

— Только посмотрим, — сказала она Искорке, стараясь говорить спокойно. — Может, там окно открылось или ещё что-нибудь.

В кладовой не было окна. София это прекрасно знала. Искорка, кажется, тоже не поверила: она прижала уши.

София нажала на ручку и медленно потянула дверь на себя. Сначала появилась узкая тёмная щель, потом дверь открылась ещё немного. София ожидала увидеть нижнюю полку, мешок с крупой и край маминой корзины, но вместо деревянного пола кладовой за порогом показалась мелкая тёмно-зелёная плитка.

Она замерла. Плитка никуда не исчезла, и София осторожно потянула дверь дальше.

Кладовой не было.

За дверью тянулся незнакомый коридор. Тёмные стены уходили далеко вперёд, под потолком через равные промежутки светились круглые матовые лампы, а в глубине проход поворачивал и исчезал из виду. Оттуда тянуло прохладным

воздухом и пахло мокрым камнем.

София хорошо знала собственный дом. За этой дверью должны были стоять банки, коробки и мешок с крупой. Никакой длинный коридор здесь не помещался. Да и вообще не мог помещаться.

Рядом тихо и непривычно низко заворчала Искорка.

— София, ты нашла можжевельник? — донёсся из кухни голос мамы.

София захлопнула дверь.

Сердце колотилось так сильно, что недавний звон теперь казался мелочью. Первой мыслью было позвать папу. София уже почти открыла рот, но тут пришла другая: а если за дверью снова кладовая?

Она уставилась на ручку. Рассказать про коридор, конечно, можно. Папа ей поверит. Наверное. Но гораздо проще будет просто открыть дверь и показать.

Совсем чуть-чуть, только проверить.

София снова нажала на ручку.

За дверью была кладовая.

Самая обычная: полки, банки, мешок с крупой, корзина. Деревянный заяц без одного уха выглядывал с привычного места так невозмутимо, словно никакого коридора с тёмно-зелёным полом здесь никогда не существовало.

София медленно повернулась к Искорке.

— Ты же тоже его видела? — спросила она шёпотом.

Кошка приблизилась на полшага, но через порог не пере-

ступила.

И тут звон прозвучал снова.

Теперь София уже не пыталась придумать, что могло упасть на кухне или сработать в папиной мастерской. Три раза звон появлялся именно возле этой двери.

София закрыла кладовую. Позвать родителей следовало прямо сейчас, и это она понимала прекрасно. Но если дверь один раз показала коридор, а потом снова стала обычной кладовой, значит, она могла измениться ещё раз. И Софии вдруг пришла в голову совершенно невыносимая мысль: если она сейчас позовёт папу, дверь может больше никогда не открыться куда-нибудь ещё. Тогда она до конца жизни будет гадать, что появилось бы там в следующий раз.

Это был не самый разумный довод, зато очень убедительный.

София оглянулась в сторону кухни, потом осторожно потянула дверь на себя.

За порогом лежала узкая каменная дорожка. По обе стороны от неё поднимались высокие незнакомые растения с широкими тёмными листьями. Между стеблями, далеко впереди, блестело что-то светлое. Листья медленно шевелились, хотя в холле не чувствовалось ни малейшего ветра, а дорожка уходила всё дальше между густыми зарослями.

София быстро захлопнула дверь.

Они с Искоркой молча уставились друг на друга. Из кухни по-прежнему доносилась обычная утренняя жизнь: мама

что-то сказала папе, он засмеялся, Серёжа громко потребовал ещё каши, потом звякнула ложка. Всё происходило совсем рядом, словно в доме ничего не изменилось. Только дверь в холле недавно вела в кладовую, потом в чужой коридор, снова в кладовую, а теперь — к незнакомой дорожке среди растений.

София перевела взгляд на металлическую ручку. Открывать дверь ещё раз ей почему-то совсем не хотелось.

— Можжевельник, — сказала она наконец, не отводя глаз от двери, — кажется, придётся подождать.

Глава 2

Глава 2

СВИДЕТЕЛИ

К тому времени, когда Милана написала «я почти пришла», София успела трижды решить, что надо всё-таки позвать папу, и трижды передумать. В первый раз она уже вышла из комнаты и дошла до лестницы. Во второй — даже спустилась на несколько ступенек. В третий раз просто встала с кровати и сразу села обратно. Искорка наблюдала за этими перемещениями с подоконника и, кажется, всё поняла гораздо раньше самой Софии.

Рассказывать взрослым она не боялась. Папа вряд ли стал бы смеяться, мама тем более. В Лиарене слишком часто случались вещи, над которыми разумнее было сначала подумать, а уже потом объявлять их невозможными. Но Софии хотелось принести не только рассказ. Сейчас она скажет: «За дверью был чужой коридор, потом сад», папа пойдёт смотреть — и увидит полки с крупой. Мама заглянет следом, найдёт свой можжевельник и спросит, где именно тут должен быть сад. Может быть, они всё равно поверят. Только сама София уже не была уверена, что сумеет точно ответить на самые простые вопросы: сколько ламп было в коридоре, какого цвета камни на дорожке, далеко ли начинались растения. Когда что-то исчезает из глаз, память почему-то очень

быстро принимается доделывать то, чего ты не успел заметить.

Поэтому ей нужны были Милана и Ника. Не потому, что они обязательно поймут, что происходит. Скорее наоборот: если Милана не попытается сунуться внутрь в первые две минуты, это уже можно будет считать удачей. Зато потом никто не скажет, что София испугалась обычной тени или перепутала собственную кладовую с чем-то другим. Они увидят то же самое. Или не увидят — и тогда придётся признать, что дверь вовсе не собирается показывать свои странности по заказу.

Телефон снова завибрировал. Милана сообщила, что уже у ворот, а почти сразу Ника написала: «Минуты три». София вскочила, и Искорка спрыгнула с подоконника следом. На лестнице девочка задержалась и прислушалась. Из комнаты Юлии доносился звон стеклянных флаконов. В гостиной Серёжа очень серьёзно объяснял игрушечной машине, что ей надо «туда», хотя по звуку машина придерживалась собственного мнения. Из мастерской папы время от времени слышался негромкий металлический щелчок. Дом был таким обычным, что кладовая внизу начинала казаться особенно подозрительной.

Искорка первой подошла к двери. Кладовая находилась неподалёку от мастерской, на другой стене холла и по диагонали от её входа. Если Евгений выглядывал из мастерской, он без труда мог заметить Софию возле двери, и сейчас

это ощущалось почти как дополнительная опасность: папа был всего в нескольких шагах, достаточно было сказать чуть громче — и секретное расследование закончится, не успев начаться. София присела рядом с кошкой и тихо попросила дверь хотя бы до прихода девочек обойтись без новых сюрпризов.

— Это ты кому? — донеслось из мастерской.

София выпрямилась так резко, будто её поймали за чем-то гораздо более серьёзным, чем разговор с кладовой. Евгений стоял в дверях, протирая очки краем футболки, и с интересом смотрел то на дочь, то на Искорку.

— Кошке, — ответила София после короткой паузы.

Папа надел очки и перевёл взгляд на дверь.

— Странно. Кошка сидит к тебе боком, а разговариваешь ты почему-то с кладовой.

— Я не разговариваю с кладовой, — возразила София и тут же поняла, что прозвучало это слишком быстро.

Евгений ещё раз посмотрел на дверь.

— Жаль. А я уже надеялся на интересный разговор. Если она всё-таки ответит — позови меня.

Он исчез в мастерской прежде, чем София придумала, что на это сказать. Иногда папа умудрялся случайно шутить почти правду и даже не замечал этого.

Входной звонок прозвучал два раза подряд. Второй — почти без паузы.

— Милана, — сказала София.

Так и оказалось. Подруга стояла на крыльце растрёпанная после бега, с длинными тёмными волосами, выбившимися из-за ушей, и рюкзаком, съехавшим на одно плечо. Поздоровалась она только после того, как первым делом спросила, где дверь.

— Там же, где всегда, — ответила София, пропуская её в дом. — Но Нику всё равно ждём.

Милана замерла с одним ботинком в руке и посмотрела на неё так, будто именно сейчас обнаружила настоящее нарушение законов природы.

— Зачем было писать «срочно», если потом надо ждать? За это время она опять может стать нормальной.

— Вот поэтому мы её и не трогаем, — сказала София. — И вообще, я тебя знаю. Ты сейчас увидишь что-нибудь интересное и полезешь.

— Я сначала посмотрю, — с достоинством возразила Милана, поставила ботинок к стене и после короткой паузы добавила: — А потом уже решу.

— Именно.

Они успели дойти до кладовой, когда Милана всё-таки не выдержала и начала расспрашивать. София отказалась пересказывать всю историю дважды, поэтому подруга ограничилась изучением двери. Она присела перед порогом, посмотрела на щель, потрогала стену возле рамы и даже заглянула за наличник.

— Что ты там ищешь? — не выдержала София.

Милана распрямилась и задумчиво посмотрела на дверь.

— Пока не знаю. Но если найду что-нибудь странное, сразу пойму.

— Очень удобный способ расследовать.

— Зато не пропустишь неожиданное.

Она уже потянулась к ручке, но София успела поймать её за запястье.

— Ника.

— Я только потрогать хотела.

— Ты пять секунд назад собиралась «сначала посмотреть».

— Я уже посмотрела.

Звонок в прихожей избавил их от продолжения спора. Ника пришла гораздо спокойнее: аккуратно сняла обувь, убрала за ухо выбившуюся светлую прядь и только после этого спросила, открывали ли они кладовую после сообщений. Узнав, что нет, она одобрительно кивнула. Милана немедленно сообщила, что это исключительно потому, что ей не дали.

— И правильно, — сказала Ника, направляясь за Софией к лестнице. — Сначала расскажи всё по порядку. А то из сообщения я поняла только, что наша кладовая вдруг стала вести не туда, куда должна.

— Вот именно, — подхватила Милана. — А если дверь ведёт неизвестно куда, это как раз тот случай, когда надо посмотреть, куда именно.

Ника посмотрела на неё через плечо.

— Ты уже собираешься идти первой?

— Конечно нет, — с достоинством ответила Милана. — Сначала я просто посмотрю.

София даже не стала спрашивать, чем отличается «идти первой» от «просто посмотреть». Она уже знала ответ.

София увела обеих наверх, подальше от папиной мастерской. В комнате Милана забралась в кресло, поджав ноги, Ника устроилась на краю кровати, а София осталась стоять у окна. Она не стала рассказывать всё утро от самого завтрака. Начала со звона возле кладовой, потом объяснила про холодную ручку, длинный коридор и сад, который появился позже. Старалась говорить только то, в чём была уверена, и не дорисовывать подробности по памяти.

Милана удивительно долго не перебивала, но на коридоре всё-таки не выдержала.

— И ты не посмотрела, что там за поворотом? — спросила она, подавшись вперёд.

— Милан, чтобы посмотреть за поворот, надо сначала туда дойти, — заметила Ника. — А если дверь за спиной закроется?

Милана нахмурилась. Похоже, до этой части приключения она в мыслях ещё не дошла.

— Значит, дверь нельзя закрывать.

— Кто будет держать?

— Ну… — Милана задумалась и покосилась на Искорку. — Ладно. Первая версия плана была не очень.

— Хорошо, что ты не успела проверить её сама, — сказала Ника и снова повернулась к Софии. — А перед садом звон тоже был?

— Да. Пока я только поняла, что он появляется возле этой двери, когда она начинает вести себя странно. Перед коридором был и перед садом тоже. Больше я ничего не знаю.

Ника кивнула, будто именно такого ответа и ждала.

— Уже что-то. Значит, сначала проверим дверь сейчас. Если ничего не произойдёт, подождём. И никто никуда не заходит, даже если опять появится сад.

Милана немедленно спросила, почему при словах «никто никуда не заходит» Ника смотрит именно на неё. Ника ответила, что София уже доказала способность удержаться на месте, а сама она себе доверяет. Милана сочла это вопиюще несправедливым, но спор закончился сам собой: всем троим уже хотелось наконец спуститься и увидеть, что решила дверь.

В холле ничего не изменилось. Искорка первой подошла к кладовой и остановилась чуть в стороне, будто тоже ждала продолжения. Из мастерской доносилось едва слышное гудение, но Евгений не показывался. София коснулась ручки — обычная, прохладная, никакого ледяного холода. Звона тоже не было.

— Открывай, — тихо сказала Ника.

София потянула дверь на себя. За ней стояла кладовая со всеми полками, банками и коробками. Милана заглянула че-

рез плечо Софии и несколько секунд разглядывала содержимое с такой серьёзностью, словно пыталась поймать полки на притворстве.

— Очень убедительно изображает кладовую, — наконец сказала она.

— Потому что это кладовая.

— Сейчас — да.

Ника попросила Софию закрыть дверь и открыла сама. Ничего не произошло. После этого Милана настояла на своей попытке и на этот раз действительно действовала осторожно: медленно повернула ручку, приоткрыла створку и даже вопросительно посмотрела на подруг, прежде чем распахнуть её шире. За дверью по-прежнему были полки.

— Всё, — сказала Ника, когда Милана потянулась закрывать и открывать ещё раз. — Достаточно. Мы проверили, что от человека ничего сразу не меняется. Теперь ждём звон.

— Это весь эксперимент? — Милана отступила от двери с явным разочарованием. — Я бежала сюда ради того, чтобы посидеть возле кладовой?

— Ты бежала сюда, потому что София написала «срочно».

— В слове «срочно» вообще нет ничего про сидение.

Несмотря на жалобы, она уселась вместе со всеми. Ника устроилась на нижней ступеньке лестницы, София — у стены, Искорка легла неподалёку. Милана сначала села рядом, потом пересела так, чтобы лучше видеть ручку, а через минуту объявила, что дверь становится всё более подозритель-

ной именно потому, что ничего не делает.

— Может, ей мешает, что мы на неё смотрим? — предположила она и тут же оживилась. — Давайте спрячемся. Она решит, что мы ушли.

Ника медленно повернула к ней голову.

— Ты предлагаешь перехитрить кладовую?

Милана секунду подумала и поморщилась.

— Когда ты так говоришь, звучит глупо.

— Потому что это и есть глупо.

София прыснула, и почти сразу из мастерской донёсся голос папы:

— Я слышу веселье и начинаю подозревать, что у вас там интереснее, чем у меня.

— Не выходи! — выпалила София.

В мастерской стало тихо.

Милана зажмурилась, а Ника закрыла лицо ладонью.

Через несколько секунд Евгений осторожно спросил:

— Мне стоит волноваться?

— Нет! — София почувствовала, как у неё горят уши. — Просто мы тут заняты.

— Хорошо. Но формулировка была тревожная.

Скрипнул стул, и папа снова занялся работой. Милана уткнулась лбом в колени, чтобы не рассмеяться вслух, а Ника шепнула Софии, что для секретного расследования они ведут себя удивительно незаметно.

Через некоторое время разговор сам ушёл в сторону. Ми-

лана начала рассказывать, как по дороге чуть не столкнулась с маленьким почтовым автоматом на колёсах: тот зачем-то решил объехать лужу через половину тротуара. Ника заметила, что Милана сама всегда обходит препятствия так, словно окружающие должны догадаться о её маршруте заранее. Они уже начали спорить, когда Искорка внезапно подняла голову.

Ника заметила это первой и замолчала на середине фразы. София проследила за её взглядом, прислушалась и через несколько секунд услышала знакомый тонкий звон. Он возник так же неожиданно, как утром, и от одного этого звука внутри всё сразу подобралось.

— Сейчас, — сказала София, поднимаясь. — Опять звон.

Милана тоже вскочила, но впервые не бросилась к ручке. Она смотрела на Софию, ожидая, что будет дальше. Ника спросила, слышит ли София его отчётливо; та кивнула и подошла к кладовой. Металл оказался ледяным. На этот раз Милана и Ника проверили сами, и обе сразу почувствовали разницу.

— Вот теперь я верю ещё и пальцем, — сказала Милана, отдёрнув руку. Улыбнулась она уже не так уверенно, как раньше. — До этого я просто верила Софии, а теперь у меня есть личная ледяная дверная ручка.

София невольно рассмеялась. Это было странное облегчение, но облегчение всё-таки настоящее. По крайней мере холод она не придумала.

Открывать решила Милана. После всех предупреждений она действовала с такой преувеличенной осторожностью, что Софии пришлось попросить её не двигать дверь по миллиметру. Когда створка отошла шире, в холл хлынул тёплый влажный воздух.

Милана замерла.

За порогом начиналась каменная дорожка.

— Там не кладовая, — произнесла она совсем другим голосом.

София подошла ближе и сразу узнала сад. Высокие листья теснились вдоль тропинки, между ними пробивался мягкий свет, где-то впереди мерно капала вода. Теперь, когда она могла смотреть не одна и не торопиться захлопнуть дверь, обнаружились новые подробности: светлые прожилки на ближайших листьях, крошечные синие цветы между камнями, капли влаги на дорожке. Граница между домом и чужим местом проходила точно по порогу — под ногами девочек лежало привычное дерево, а всего в нескольких сантиметрах начинался мокрый камень.

Милана долго молчала. София даже повернулась к ней, ожидая обычного потока вопросов, но подруга только смотрела вперёд.

— Ну? — не выдержала София.

Милана наконец перевела на неё глаза и тихо сказала:

— Я же верила. Просто когда видишь сама, всё совсем другое.

Ника стояла с другой стороны и внимательно разглядывала ближайшие растения. Она спросила, был ли утром тот же сад. София узнала дорожку и большие листья, но честно призналась, что цветов не помнит: в первый раз ей было не до подробностей.

Милана уже немного пришла в себя и стала наклоняться вперёд, пытаясь увидеть, куда уходит тропинка. София поймала её за футболку на спине прежде, чем та успела приблизиться к порогу.

— Я не захожу, — возмутилась Милана, выпрямляясь. — Я только хочу посмотреть, что дальше.

— Ты и отсюда смотришь.

— Отсюда плохо.

Ника положила ладонь ей на плечо и мягко отодвинула назад.

— Представь, что ты заходишь, дверь закрывается, а потом открывается уже в коридор.

Милана перестала сопротивляться. Несколько секунд она смотрела на каменную дорожку, а потом сама сделала шаг назад.

— Ладно. Пока не иду.

София заметила это «пока», но решила, что для Миланы сейчас и этого достаточно.

Искорка держалась подальше от порога. Она не шипела и не пыталась убежать, но в сад не приближалась. София присела рядом и спросила, что ей не нравится. Кошка посмот-

рела сначала на неё, потом на заросли.

— Очень содержательно, — пробормотала София.

— Может, она там что-нибудь слышит, — предположила Ника.

Милана сразу прищурилась, глядя в глубину зелени.

— Или видит.

— Спасибо, — сказала София. — Теперь мне гораздо спокойнее.

— Я вообще ничего страшного не сказала.

— Пока.

Они снова посмотрели на сад. Один из больших листьев справа от дорожки вдруг качнулся. Сначала София решила, что прошёл ветер, но остальные растения почти не двигались. Тот же лист дрогнул ещё раз, а потом из глубины донёсся шорох.

Милана перестала улыбаться.

— Вот это уже не я придумала.

Искорка мгновенно поднялась и отступила ещё дальше от двери.

— Закрываем, — сказала Ника, и на этот раз никто с ней не спорил.

София взялась за край створки. В тот же момент по саду прошёл короткий порыв ветра: зашелестели листья, закачались тонкие стебли, несколько мелких листочков закружились над дорожкой. София быстро захлопнула дверь и ещё секунду держала ладонь на дереве, словно проверяя, дей-

ствительно ли всё закончилось.

— Все здесь? — спросила она и сама поняла, насколько глупо это прозвучало.

— Я здесь, — отозвалась Милана, оглядывая себя. — Ника тоже. Искорка тоже. Вроде никого не потеряли.

София уже собиралась отойти, когда Милана вдруг указала вниз.

— А вот этого раньше не было.

У самого порога лежал небольшой тёмно-зелёный лист. Посередине проходила тонкая серебристая прожилка, а на краю блестела капля воды.

Милана тут же наклонилась, но София успела остановить её.

— Руками не трогай. Мы не знаем, что это за растение.

— Я только посмотреть хотела, — сказала Милана, но руку послушно убрала.

Ника присела рядом и внимательно рассмотрела находку, не касаясь её. Потом достала из сумки чистый бумажный платок и осторожно поддела край.

— Он мог залететь, когда дверь закрывалась. И он мокрый.

— Значит, сад настоящий, — сказала Милана.

— Мы и так чувствовали воздух, — заметила Ника.

— Воздух дяде Жене не покажешь.

София замолчала.

Вот теперь у неё было то, чего не хватало с самого утра.

Не рассказ, не холодную ручку, которая через несколько минут снова станет обычной, и даже не две свидетельницы. Настоящий лист из места, которого не могло быть за стеной их дома.

Ника аккуратно завернула находку в бумагу и поднялась.

— Тёте Юле лучше сначала показать так. Если растение незнакомое, пусть она сама решит, можно ли его брать.

— И папе расскажем всё, — сказала София. Решение неожиданно оказалось очень простым. Теперь скрывать что-либо не имело никакого смысла: они увидели сад втроём, почувствовали холод ручки, а неизвестный лист вообще оказался на полу их собственного дома.

Милана вздохнула и спросила, придётся ли рассказывать также о её попытке приблизиться к порогу. София пообещала особенно подробно описать именно эту часть, и Ника не удержалась от улыбки. Милана назвала их обеих предательницами, но спорить с самим решением позвать взрослых не стала.

София посмотрела в сторону мастерской. Папа был совсем рядом. Достаточно было нескольких шагов.

Она уже собралась идти к нему, когда Искорка снова повернулась к кладовой.

На этот раз звона не было.

Щёлкнул металл. София остановилась и обернулась к двери.

— Вы слышали? — спросила она.

Ника кивнула, а Милана медленно повернулась к кладовой. Второй щелчок прозвучал тише первого, и ручка чуть опустилась, хотя никто к ней не прикасался. Она замерла в таком положении, а потом створка медленно отошла от косяка.

Из мастерской сразу донёсся голос Евгения:

— Соня?

София смотрела на узкую тёмную щель. На этот раз ей совсем не хотелось первой выяснять, что находится по ту сторону.

— Пап, — позвала она, не повышая голоса. — Можешь выйти?

В мастерской скрипнул стул.

— Уже иду.

Милана придвинулась к Софии, а Ника крепче сжала свёрток с листом.

— Теперь рассказываем сразу? — тихо спросила Милана.

София кивнула.

— Теперь сразу.

Искорка не сводила глаз с тёмной щели между дверью и косяком.

Глава 3

Глава 3

ПРОВЕРКА

Через несколько секунд из мастерской показался папа. На лбу у него были сдвинуты вверх увеличительные очки, а в руке осталась тонкая отвёртка. Сначала он посмотрел на Милану, потом на Нику, потом на Софию и только после этого — на приоткрытую дверь кладовой.

— Так, — сказал он, опуская отвёртку. — Город пока стоит. Уже хорошо. Что случилось?

София уже собиралась объяснить всё сама, но Милана, как обычно, успела первой:

— Там был сад.

— За кладовой, — добавила Ника.

— И дверь сама открылась, — закончила София.

Папа ещё раз посмотрел на дверь, потом на девочек.

— Хорошо. Теперь расскажите по порядку.

Это оказалось сложнее, чем София ожидала. Милана всё время вспоминала новые подробности и перескакивала вперёд, Ника возвращала её к тому, что произошло раньше, а София пыталась вставить то, что обе пропустили. Через минуту история уже напоминала три разных рассказа, которые зачем-то рассказывали одновременно.

Папа выслушал ещё немного и поднял руку.

— Стоп. Сейчас у меня есть дверь, которая открывается не туда, куда должна, сад, которого здесь быть не может, и очень уверенная Милана. Давайте всё-таки попробуем собрать это в одну историю.

— Я всегда уверенная, — заметила Милана.

— Именно поэтому я и беспокоюсь.

На этот раз София начала сама и не дала никому её перебить. Она рассказала, как утром открыла кладовую и вместо привычных полок увидела незнакомый коридор. Как потом они пришли проверить дверь втроём и за ней оказался уже не коридор, а сад. Как дверь закрылась, а потом вдруг приоткрылась сама. Папа не перебивал, только иногда задавал короткие вопросы: где они стояли, касался ли кто-нибудь ручки, долго ли был виден сад и изменилось ли что-нибудь в самой двери.

Когда София закончила, Ника осторожно достала свёрток.

— И ещё осталось вот это. Мы не стали трогать его руками.

Она развернула бумажный платок. Внутри лежал влажный тёмно-зелёный лист с тонкой серебристой прожилкой посередине. Папа присел, чтобы рассмотреть его поближе, но брать не стал.

— Правильно сделали. Он точно был по ту сторону?

— Лежал совсем рядом с порогом, — ответила Ника. — Когда дверь закрылась, он остался здесь.

— А никто из вас раньше такого не видел?

Девочки покачали головами. Папа осторожно взял свёрток за края платка и поднёс к свету.

— На наши комнатные растения не похоже. Хотя здесь лучше спросить человека, который способен узнать неизвестный куст по половине засохшего листика и при этом обидеться, если назвать его просто кустом.

— Я всё слышу, — донеслось из кухни.

Милана улыбнулась.

Через несколько минут в холле появилась Юлия с Серёжей на руках. На плече у неё висело кухонное полотенце, а Серёжа пытался поймать его за угол и явно считал эту задачу гораздо важнее происходящего вокруг.

— Что у вас тут? — спросила мама. — Женя сказал что-то про неизвестный лист, а по его лицу я поняла, что дело одним листом не ограничивается.

— Сначала лист, — ответил папа и протянул ей свёрток. — Остальное ещё интереснее.

Юлия осторожно развернула платок, взяла лист только за черешок и несколько секунд рассматривала его с обеих сторон. Потом повернула к свету, чтобы лучше увидеть серебристую прожилку.

— Нет. Я такого растения не выращиваю.

— А в нашем саду? — спросила София.

— Тоже нет. Во всяком случае, ничего похожего я там не видела. Прожилка интересная, но сейчас я не хочу с ним ни-

чего делать наугад. Потом посмотрю внимательно.

Она снова завернула лист в платок и протянула его Нике. Серёжа тут же заинтересовался свёртком и потянул к нему руку, но мама развернула его в другую сторону.

— Нет, это не тебе.

— Ам, — возразил Серёжа.

— Особенно не тебе.

Папа тем временем подошёл к кладовой.

— С растением пока разобрались настолько, насколько можем. Теперь посмотрим на дверь.

Он открыл её полностью. За ней оказались обычные полки с банками, коробками, корзинами и пакетами с крупами. Всё стояло на своих местах с таким невинным видом, будто за этой дверью никогда не было ни коридора, ни сада.

Милана вытянула шею и заглянула внутрь.

— Она притворяется.

— Кто? — спросила Ника.

— Дверь.

Папа усмехнулся и присел возле нижней петли.

— После вашего рассказа я не стану сразу утверждать, что двери не умеют притворяться. Но сначала проверим вещи попроще.

Он начал осматривать дверь по порядку. Несколько раз открыл и закрыл её, проверил ручку, замок, крепления и петли, потом достал маленький фонарик и посветил на нижнюю часть дверной коробки. София стояла рядом и внимательно

следила за его руками. Ей нравилось, что папа не отмахивается от их рассказа, но и не спешит объявлять случившееся какой-нибудь редкой магической аномалией. Он обращался с невозможной дверью почти так же, как с любой сломанной вещью: сначала нужно понять, что именно она делает.

— Ну что? — не выдержала Милана.

— Пока у нас есть старая дверь, — ответил папа. — Петли целые, замок работает, ручка тоже. Есть обычные царапины и следы ремонта, но ничего такого, что объясняло бы сад.

— А то, что она сама открылась? — спросила Милана.

Папа выпрямился.

— Ненормально.

— Вот!

— Поэтому мы и проверяем, а не делаем вид, что всё в порядке.

Он ещё раз медленно закрыл дверь и посмотрел, плотно ли она вошла в коробку.

— Если она действительно меняет положение сама, нам нужно поймать момент, когда это происходит.

Папа ушёл в мастерскую и вскоре вернулся с небольшой плоской коробочкой размером примерно с половину ладони Софии. К ней прилагалась ещё одна маленькая деталь и несколько тонких проводков.

— Что это? — спросила София.

— Скучная техническая штука.

Ника внимательно посмотрела на коробочку.

— Значит, полезная.

— Ты быстро учишься.

Папа закрепил одну часть устройства на двери, другую — на дверной коробке, после чего несколько раз открыл и закрыл кладовую. При движении загорался маленький зелёный огонёк.

— Это датчик положения, — объяснил он. — Он заметит изменение положения двери и запишет время.

София посмотрела на маленький огонёк.

— А если за дверью снова появится что-нибудь другое?

— Если для этого дверь сдвинется, датчик это заметит. Если не сдвинется — узнаем хотя бы, что дело сложнее. В любом случае будем думать дальше.

Милана уже открыла рот, но папа поднял палец.

— И сразу одно условие. Если дверь снова откроется не в кладовую, никто никуда не заходит. Даже на один шаг. Даже если там будет очень красиво, интересно и вам покажется, что можно только заглянуть.

— А если совсем чуть-чуть? — спросила Милана.

— Вот ровно поэтому я смотрю сейчас на тебя.

— Ладно. Не захожу.

— Я хочу услышать это без «ладно».

Милана тяжело вздохнула, но всё-таки сказала:

— Если дверь снова откроется куда-нибудь не туда, я не пойду внутрь.

— Спасибо. Теперь я спокоен примерно на четыре про-

цента.

София улыбнулась. Рядом Серёжа снова потянулся к зелёному огоньку датчика и сказал:

— Ам.

— Это тоже не еда, — предупредил папа.

В ту же секунду одна из коробок на верхней полке кладовой медленно двинулась к краю. Все подняли головы.

— Серёжа, — сказала мама.

Коробка остановилась.

— Назад, пожалуйста, — добавил папа.

Несколько мгновений ничего не происходило, потом коробка так же медленно поползла обратно.

— Видишь? — сказала Юлия. — Он помогает.

— Я заметил. Особенно мне нравится, что его помощь приходится просить вернуться на место.

Серёжа довольно засмеялся, словно разговор шёл исключительно о его выдающихся способностях.

Через некоторое время взрослые разошлись по своим делам. Юлия унесла Серёжу на кухню, а Евгений вернулся в мастерскую, оставив датчик работать. Перед уходом он ещё раз напомнил девочкам не открывать дверь специально и сразу позвать его, если что-нибудь изменится.

Они остались в холле втроём, если не считать Искорку. Поначалу наблюдение казалось почти настоящим расследованием. Через несколько минут выяснилось, что настоящее наблюдение в основном состоит из сидения перед закрытой

дверью и ожидания, пока она наконец сделает что-нибудь интересное. Кладовая ничего делать не собиралась. Дверь стояла закрытой и выглядела совершенно обычно.

— Она ждёт, пока мы уйдём, — сказала Милана, которая уже успела трижды поменять место и теперь сидела на полу, прислонившись к стене.

Ника устроилась на низкой скамейке напротив.

— Возможно, двери вообще не умеют ждать.

— Эта умеет. И притворяться тоже.

София почти не слушала их. Она смотрела на датчик и снова прокручивала в голове всё, что случилось утром. Когда вместо кладовой появился коридор, она услышала тихий звон. Когда за дверью оказался сад — тоже. Но потом дверь приоткрылась сама, и никакого звона не было. Это не сходилось.

— Ника, когда дверь сама открылась, ты точно ничего необычного не слышала? — спросила София.

— Только скрип. А что?

Милана сразу поняла.

— Ты про звон?

София кивнула. Ей почему-то не хотелось говорить о нём больше, чем нужно. Она и сама пока плохо понимала, что это за звук и почему слышит его только она.

— Утром он был, когда появился коридор. Потом был, когда появился сад. А когда дверь открылась сама — ничего.

Ника немного подумала.

— Значит, звон появляется не каждый раз, когда дверь делает что-нибудь странное.

— Наверное.

— Или он вообще не про дверь, — сказала Милана.

София посмотрела на неё. Эта мысль ей не понравилась, хотя она не могла объяснить почему.

В этот момент Искорка, до сих пор лежавшая неподалёку, поднялась и подошла к кладовой. Она понюхала нижний край двери, потом медленно двинулась в сторону и остановилась возле стены рядом с ней. Там кошка села, подняла голову и замерла.

— Что она нашла? — тихо спросила Милана.

Ника пожала плечами. Девочки смотрели на Искорку, когда зелёный огонёк на датчике неожиданно мигнул.

София сразу перевела взгляд на дверь. Та оставалась закрытой. Ручка не повернулась, между дверью и дверной коробкой не появилось даже щели.

— Он сработал, — сказала Ника.

— Но дверь не двигалась.

Огонёк мигнул ещё раз. Теперь даже Милана не сказала ничего. Искорка по-прежнему смотрела на стену.

А потом София услышала звон.

Она замерла. Этот звук она уже знала: тонкий, едва слышный, словно где-то очень далеко коснулись маленького стеклянного колокольчика. Только сейчас он шёл не от двери.

София медленно повернула голову вслед за Искоркой.

— Там.

— Где? — Милана сразу поднялась.

— В стене. Кажется.

София подошла ближе и осторожно приложила ладонь к прохладной поверхности. Звон повторился — чуть отчётливее, чем секунду назад. Ника встала рядом, а Милана наклонилась к стене, будто надеялась услышать хоть что-нибудь.

Несколько секунд ничего больше не происходило. Потом внутри стены что-то тихо щёлкнуло, и в ту же секунду зелёный огонёк на датчике погас.

Девочки переглянулись. Дверь кладовой оставалась закрытой, ручка не двигалась, а с виду всё было совершенно обычно.

Но теперь они знали: дверь была только частью этой странной истории.